

Дело *Achmea* как новый этап рассмотрения инвестиционных споров

Пикулина Д. И., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. зав. каф. Бабкина Е. В., канд. юр. наук, доц.

В течение долгого периода времени каждое государство-член Европейского союза (далее ЕС, Союз) могло самостоятельно заключать инвестиционные соглашения как друг с другом, так и со странами, не входящими в ЕС. Однако после вступления в 2009 г. в силу Лиссабонского договора полномочия Союза и его институтов были расширены, исключительная компетенция в сфере иностранных инвестиций, согласно статье 207 Договора о функционировании Европейского союза, перешла к ЕС.

В 2010 г. Европейская Комиссия начала процедуру 2010/0197 «Двусторонние инвестиционные соглашения государств-членов ЕС с третьими странами: переходное регулирование», которое заключается в постепенной замене существующих двусторонних инвестиционных договоров (далее ДИД) на новые, составленные по правилам и требованиям Лиссабонского договора. Согласно Регламенту 1219/2012, принятому Европейским парламентом и Советом Европейского союза в 2012 г. в рамках указанной процедуры, все существующие инвестиционные соглашения между государствами-членами ЕС остаются в силе до тех пор, пока они не заменятся новыми инвестиционными договорами, где стороной выступает уже не страна-член Европейского союза, а сам ЕС в лице уполномоченных органов, и не приводятся в соответствие с правом ЕС [1].

Подобное несоответствие уже было выявлено Европейским судом (далее Суд) в 2018 г. при рассмотрении дела *Slovak Republic v. Achmea* (judgement of the court of March 6, 2018) [2]. В основе этого дела лежит спор между нидерландской страховой компанией Achmea B. V. и Словацкой Республикой. В 2006 г. Словакия частично отменила ранее объявленную либерализацию на рынке медицинского страхования, тем самым запретив распределение прибыли, получаемой от страховой деятельности Achmea. В 2008 г. Achmea инициировала арбитражное разбирательство в соответствии с положениями ДИДа, заключенного в 1991-м с Королевством Нидерланды. Дело рассматривал арбитраж ad-hoc, местом нахождения которого был определен Франкфурт-на-Майне, а применимым правом – право Федеративной Республики Германия. В 2012 г. арбитражный суд установил, что Словакия нарушила существенные положения ДИДа и должна возместить нанесенный ущерб в размере 22,1 млн евро. Впоследствии Словакия подала в немецкий суд заявление об отмене арбитражного

решения, приводя в качестве главного аргумента тот факт, что у арбитража ad-hoc не было юрисдикции на рассмотрение данного дела, поскольку арбитражная оговорка, содержащаяся в статье 8 ДИДа, несовместима с положениями статей 18, 267 и 344 Договора о функционировании ЕС. Федеральный Верховный суд Германии (Bundesgerichtshof) в 2016 г. обратился в Европейский суд с преюдициальным запросом о совместимости арбитражной оговорки и права ЕС.

Европейский суд, проанализировав положения как двустороннего инвестиционного договора, так и Договора о функционировании ЕС, сделал вывод о том, что арбитражная оговорка действительно противоречит праву Европейского союза в силу нескольких причин. Во-первых, Суд напомнил, что право Европейского союза представляет собой автономную правовую систему, которая обладает верховенством над национальным правом государств-членов, последние обязаны обеспечивать правильное применение права ЕС на своих территориях. Во-вторых, был сделан вывод, что инвестиционные арбитражи, созданные на основании ДИДа, теоретически могут толковать положения права ЕС (к примеру, если это касается свободы движения капитала). В-третьих, Европейский суд пришел к выводу, что инвестиционный арбитраж, создание которого предусмотрено положениями ДИДа, не является частью судебной системы ни Нидерландов, ни Словакии, следовательно, согласно статье 267, он не может обращаться в Европейский суд с вопросами о применении и толковании права ЕС как в высшую судебную инстанцию. В-четвертых, согласно немецкому праву, вынесенное арбитражное решение не подлежит или подлежит только ограниченному судебному пересмотру компетентным национальным судом. Суд признал, что это является допустимым в рамках коммерческого арбитража, но не инвестиционного. Исходя из всего вышеперечисленного, Европейский суд пришел к выводу, что арбитражная оговорка, содержащаяся в ДИДе между Нидерландами и Словакией, несовместима с главными принципами права ЕС (в частности, с принципом лояльного сотрудничества) и негативно влияет на автономность правовой системы Европейского союза. Кроме того, Суд заявил о том, что отнесение вопросов, связанных с толкованием и применением права ЕС, к юрисдикции судов, не входящих в судебную систему Союза, серьезно подрывает эффективность правовой системы Европейского союза.

Решение по делу *Slovak Republic v. Achmea* наглядно показывает отношение права ЕС к инвестиционным арбитражным судам не как к элементу национальных судебных систем государств-членов и даже не как к дополнительному элементу этой системы, а как к угрозе судебной системе ЕС,

поскольку в случае их создания у Европейского суда нет контроля над ними. Сейчас вопрос о влиянии данного решения состоит в следующем: приведет ли оно к каким-либо серьезным изменениям в инвестиционном арбитражном разбирательстве и как эти изменения будут влиять на инвестиционную деятельность в целом?

Литература

1. Regulation № 1219/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 establishing transitional arrangements for bilateral investment agreements between Member States and third countries [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32012R1219&from=EN>. – Date of access: 22.04.2020.

2. Slovak Republic v. Achmea (Case C-284/16), judgement of the court of March 6, 2018 // EUR-Lex [Electronic resource]. – Mode of access: <http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=62016CJ0284&lang1=en&type=TEXT&ancre=>. – Date of access: 22.04.2020.

The formation of the right to a healthy environment in the context of Article 8 of the European Convention on Human Rights

*Приходько Е. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Зыбайло А. И., канд. юр. наук, доц.*

The European Court of Human Rights (hereinafter – the Court) carries out the interpretation of the provisions of the European Convention on Human Rights (hereinafter – the ECHR) based on the doctrine of an «evolutive interpretation». In the light of this doctrine, cases concerning the right to a healthy environment are mainly examined by the Court in the context of Article 8 of the ECHR.

The Court applied Article 8 in close connection with the right to a healthy environment in *Lopez Ostra vs. Spain* judgement. The applicant and her daughter experienced health problems due to «gas fumes, pestilential smells and contamination» from the tannery waste processing plant, which operated in the immediate vicinity of the applicant's place of residence [1; § 8].

The Court noted that «severe environmental pollution may affect individuals' well-being and prevent them from enjoying their homes in such a way as to affect their private and family life adversely, without, however, seriously endangering their health» [1; § 51].

Since the adoption of the Stockholm Declaration in 1972, environmental protection was seen as an essential tool in the effort to secure the effective